

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОГО ДИСКУРСА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Компьютерно-опосредованный дискурс представлен в виде текстов и гипертекстов, которые могут использоваться для самых разнообразных целей. Актуальность обобщения характеристик компьютерно-опосредованной речевой практики постоянно возрастает пропорционально динамике ее расширения и практической востребованности. Метаязыковая релевантность текстов компьютерно-опосредованного дискурса обусловлена его лингвоинформационным форматом. Функциональность сферы компьютерно-опосредованной коммуникации – проблемная область междисциплинарного, мультидисциплинарного, кроссдисциплинарного, в чем-то и трансдисциплинарного характера. С точки зрения дискурсивной парадигматики она в значительной степени осложнена экстралингвистической спецификой, в частности, проблемами правового регулирования общественно значимой речевой деятельности. На практике институциональный дискурс обусловлен множеством дискурсивных моделей, не имеющих кодификационной интерпретации. Обладая прототипическим и логическим характером, подобные модели могут быть представлены в метаязыковом контексте. Подобный методологический подход обеспечивает репрезентативность особенностей дискурсивной практики в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации. Рамки исследования были ограничены сравнительным, с помощью двух метаязыковых моделей, исследованием дискурсивной практики с целью выявления функциональной специфики компьютерно-опосредованного дискурса. Проблемная область была ограничена ситуационной моделью (так называемой *интернет-лицензией*), что позволило выявить существенные особенности функциональности текстов компьютерно-опосредованной коммуникации в наиболее распространенном типологическом формате.

Ключевые слова: компьютерно-опосредованная коммуникация, компьютерно-опосредованный дискурс, институциональный дискурс, дискурсивная практика, модель, дискурсивная гипермодель, метаязык, лингвоинформационный формат, интернет-лицензия, гипертекст, функциональность.

А. А. Barkovich

The Functionality of Computer-Mediated Discourse: the Institutional Aspect

Computer-mediated discourse is presented in the form of texts and hypertexts that can be used for various purposes. The relevance of the generalization of the characteristics of computer-mediated speech practice is constantly increasing in proportion to the dynamics of its expansion and practical demand. Metalanguage relevance of the texts in computer-mediated discourse is determined by its linguistic-information format. The functionality of computer-mediated communication is the subject area that has interdisciplinary, multidisciplinary, crossdisciplinary and in some way transdisciplinary nature. From the point of view of discursive paradigmatics it is largely complicated by extra-linguistic characteristics, in particular, by the problems of legal regulation of public speech activity. In practice, the institutional discourse is due to the many discursive models that do not have a codification interpretation. Being of prototypical and logical nature, such models

БАРКОВИЧ Александр Аркадьевич – к. филол. н., доц. кафедры прикладной лингвистики Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

E-mail: albark@tut.by

BARKOVICH Alexander Arkadievich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Applied Linguistics, Belarusian State University.

E-mail: albark@tut.by

can be presented in metalinguistic context. Such methodological approach ensures representativeness of the features of discursive practices in the field of computer-mediated communication. The scope of the study was limited to comparative research of discursive practices by the instrumentality of two metalinguistic models aimed at identifying the functional specifics of computer-mediated discourse. The problem area was limited by the situational model of the so-called Internet license, which allowed identifying the essential features of functionality of computer-mediated communication texts in the most common typological format.

Keywords: computer-mediated communication, computer-mediated discourse, institutional discourse, discursive practice, model, discursive hypermodel, metalanguage, linguistic-information format, Internet license, hypertext, functionality.

Введение

Являясь ключевым понятием современной лингвистической парадигмы, дискурс – речевая деятельность, развернутая во времени и пространстве, обусловленная широким экстралингвистическим контекстом и коммуникационной спецификой – позволяет исследовать языковые отношения комплексно и в интердисциплинарном русле. Дискурс – не только текст, но и деятельность, реализуемая в речевом процессе, «систематически формирующая объекты обсуждения» [1, с. 49].

Очевидно, что современный дискурс – это прежде всего *компьютерно-опосредованный дискурс* (далее КОД); коммуникация в особой, обеспеченной компьютерными технологиями, пространственно-временной реальности. Для обозначения такой коммуникации с 80-х гг. XX в. активно развивается особая терминсистема, центральным понятием которой является *компьютерно-опосредованная коммуникация* (далее КОК). Методологический потенциал компьютерно-опосредованной парадигмы, несомненно, актуален в аспекте *институционального дискурса* (далее ИД) – речевой деятельности, обеспечивающей функциональность социально-значимых институтов и «конструирующей реальность», в том числе лингвистическую [2, с. 8].

Функциональность дискурса в парадигме КОК

Функциональность дискурса в условиях современной коммуникации основана на традиционных лингвистических категориях, что не исключает их адаптации к реалиям КОК. Лингвистическая категориальность всегда была обусловлена экстраязыковой реальностью: «лингвистические процессы» структурируются через «представления о реальности» [3]. Интердисциплинарная комплексная парадигма КОД существенно изменила представления о многих лингвистических феноменах: показательно в данном контексте развитие семантики такого важного понятия, как *текст*. Будучи языковой универсалией, *текст* как термин прикладной лингвистики значительно прибавил в значимости: если в традиционном дискурсе *текст* понимается в основном как «произведение» [4-5], то в КОД *текст* гораздо более широкое понятие, помимо традиционной семантики, это и минимальная последовательность знаков и звуков, и максимально широкая речевая реальность, совокупность субтекстов, так называемый *гипертекст*. Начавшись в 1968 г. со слова *LOGIN* (англ. ‘команда, иницирующая работу компьютера в системе’), точнее с буквенной последовательности *LOG*, сегодня КОД представляет собой огромную совокупность текстов, измеряемую десятками миллионов текстов для кириллической графики и сотнями миллионов – для латинской [6].

Метаязыковая специфика КОД – не только *гипер-* и *суб-*, но и *интертекстуальность*: «Эти отношения между текстами, или интертекстуальность, размещают каждое письменное высказывание в сети связанных между собой высказываний, независимо от того: подразумевается это; не подразумевается; не подразумевается, но может подразумеваться; скрыто в институциональном и интеллектуальном окружении, определяющем характеристики данного документа» [7, с. 232]. Именно такие свойства тесной взаимной обусловленности текстов, более выраженные в КОД по сравнению с традиционным дискурсом, позволяют говорить о высокой языковой идентичности КОК [8].

Не менее существенной особенностью текстов КОД является их широчайшая презентация

в коммуникационной сети Интернет, что позволяет квалифицировать значительную часть КОД как *интернет-дискурс*. Значимыми областями КОД, хоть и менее универсальными и репрезентативными, являются дискурсы так называемых социальных сетей типа *Facebook*, *Twitter*, *ВКонтакте* и им подобных, интранет-дискурс локальных сетей, мобильной телефонии, спутниковой навигации и т. д. Следствием эффективности доступных широкому кругу коммуникантов разнообразных инструментов является *вариативность* самого дискурса: одновременно функционируют разные варианты текстов.

Системный характер дискурсивных отношений КОК позволяет говорить об *интерактивном* характере КОД: «Дискурс как социальная практика находится в интерактивном взаимодействии с контекстом в таком широком социальном аспекте, в котором фокус значимо смещается с текстовой формы на такие особенности контекста, как изменение идентичности участников, их социальных или профессиональных отношений, что поддерживается или изменяется в рамках жанров дискурса, обуславливает преимущества или ограничения для определенного круга читателей» [9, с. 246]. Такой интерактивный характер дискурсивной практики отражается и в метаязыковых описаниях речевой деятельности.

Широкий спектр языковых отношений дискурса предполагает их дифференциацию и *структуризацию*. Одним из очевидных оснований метаязыковой организации дискурсивной практики является ее субъектная ориентация, позволяющая выделить персональный и институциональный дискурсы как методологически актуальные совокупности. Субъектные особенности дискурса выполняют функцию критериев, создающих оппозицию персонализированной и социализированной дискурсивной практики: повседневной – институциональной (англ. *everyday – institutional*), обыденной – институциональной (англ. *mundane – institutional*), персональной – социальной (англ. *personal – social*) [2, 10-11].

Подобная оппозиционная дифференциация позволяет проводить значимые сопоставления: например, *систематизировать* разнообразие КОД. «В качестве источников данных не все совокупности равнозначны. Обычная беседа, кажется, представляет собой самый богатый и разнообразный источник интерактивной практики, в то время как взаимодействие в бюрократическом, профессиональном и других институциональных контекстах имеет тенденцию содержать более узкий спектр практик» [12, с. 122]. Вместе с тем, конечно, ИД является более релевантным объектом метаязыковых описаний речевой практики, широко представленным в компьютерно-опосредованном формате.

Оппозиционная методика позволяет проводить и более сложные обобщения речевой деятельности, в немалой степени обусловленные практикой КОК: «Впрочем, это различие между «живым миром» («*обычный*» *разговор*, *неформальность*) и «системой» (*институты*, *государство*, *формальность*) больше не может быть безоговорочным, поскольку обе сферы сейчас колонизируют друг друга и охватывают общие дискурсивные практики» [2, с. 6]. Продуктивные метаязыковые описания создают предпосылки, в свою очередь, для феноменологических обобщений, например, констатации «... «грубых фактов» [*«brute facts»*] и «институциональных фактов» [*«institutional facts»*] в контексте различий между независимым наблюдением [*observer-independent*] и обусловленным наблюдением [*observer-relative*] за особенностями мира» [13, с. 248].

Для полноценного моделирования КОД важным является само понятие *института*: «Институт обеспечивает ограниченный выбор способов описания людей, их проблем и возможных решений» [14, с. 149] и лингвистической обусловленности институциональности («институционализации»): «...*язык играет основную роль в институализации*: институционализация имеет место, когда «актеры» взаимодействуют и разделяют общие представления о реальности» [15, с. 635]. При этом само понятие *института* остается достаточно дискуссионным: «*Институты* не просто определить. Люди обычно связывают их с физическими зданиями или учреждениями, такими как школы, больницы, медиа-организации, тюрьмы или суды... термины «институт» и «организация» часто смешиваются» [2, с. 4]. Подводя черту под совокупностью общих для разных определений характеристик, можно

определить институт как публичное учреждение, создающее и реализующее общественно значимый дискурс (ИД).

Функциональность *института* как дискурсивного термина позволяет привлекать в методологическую сферу широкий круг не только интралингвистических, но и экстралингвистических фреймов знания о речевой деятельности. При дискурсивном моделировании сферы КОК такими моделями будут и «гиперсодержательные» *институциональные фреймы* (англ. – *institutional frames*), например, стратегии создания, модификации, использования КОД, и частные случаи реализации той или иной институционально-дискурсивной ситуации [14]. В ИД функционирует и своеобразный *институциональный контекст*: деятельность по созданию, поддержанию и изменению ИД коммуникантами в широком интерактивном спектре функциональности динамичного набора институциональных инструментов и характеристик [16].

Наличие динамичного контекста, в свою очередь, обуславливает наличие в структуре фреймов ИД выразительных доминант. Например, для всей сферы КОК несомненной доминантой будет являться соответствие/несоответствие дискурсивной практики социальным, культурным, правовым и иным нормам коммуникации: «*Дискурс* как жанр контрастно распространяет анализ за пределы текстовой продукции, охватывая контекст в широком понимании не только конструктивных особенностей текста, но и также способов его интерпретации, использования и реализации в специфическом институциональном, или более узко, профессиональном контексте для достижения специфических целей. Сущность вопросов, адресуемых при таком типе анализа, является не только лингвистической, но также социокогнитивной и этнографической» [9, с. 246]. В сфере КОК такими «совместно» решаемыми вопросами будут вопросы коммуникационного свойства, касающиеся лингвоинформационной специфики КОД [17].

Комплекс дискурсивных характеристик КОД, включающий текстовые, интерактивные, коммуникационные и другие отношения, в совокупности с элементной базой может быть представлен как *дискурсивная гипермодель* КОД. Создание подобной «универсальной» модели речевой практики, *матрицы реализации* (англ. *evaluation matrix*) актуально и само по себе [18]. Вместе с тем именно КОД является высокореферентной для моделирования деятельности субстанцией, на текстовой базе которой могут создаваться как универсальная *дискурсивная гипермодель* КОК, так и отдельные, в том числе институциональные модели. Лингвоинформационный формат и парадигматика моделирования КОД способствуют выявлению существенных особенностей его функциональности.

Метаязыковой потенциал институционального дискурса

При всей лингвистической релевантности *дискурсивной гипермодели* в целом на практике более очевидны частнометодические модели (субмодели) функциональности дискурса, позволяющие представить и описать релевантную речевую практику (и опосредованные ей другие виды деятельности) [19-21]. Многообразие уже созданных моделей – тема самодостаточная, в рамках компактного исследования целесообразно их сопоставление в целях дискурсивного моделирования. Метаязыковые обобщения, опирающиеся на «прикладные модели анализа эмпирических интерактивных данных», обладают вместе с тем существенным уже металингвистическим потенциалом, облеченным в структуру, отражающую «специфические исследовательские вопросы» [22].

В рамках подобной структуры, взаимодействуя со структурными элементами этикета, с одной стороны, как с культурными моделями, и со структурами-моделями права в виде юридических норм и обычаев, с другой стороны, дискурсивные модели КОК характеризуют *статусную идентичность* всей сферы, подразумевающую социокультурную стратификацию и кластеризацию дискурса. В металингвистическом контексте институциональная специфика КОД может быть отражена посредством «метафункциональной» модели:

«... мировоззрение (управление доступом): *власть*;
жанр (распоряжение): *контроль*;

текст документа (социальное положение): *статус*;
сфера применения (компетенция и уровень): *управление*;
форма (оказываемое внимание): *признание*» [23, с. 211].

Подобная практика вполне соответствует типологической метаязыковой экспликации данных, позволяющей определять практику моделирования как «метаинституциональный дискурс» (англ. *meta-institutional discourse*) [14, с. 159].

Притом что многие социальные и культурные нормы не имеют всеобъемлющего характера, ИД в процессе своего функционирования, как правило, опирается на уже сформированные референтные институты. Полного соответствия правовых норм возможным вариантам коммуникационного взаимодействия не может быть в принципе, иначе сам ИД должен был бы быть соизмеримым с содержательным объемом всей коммуникации.

Логика развития КОД обуславливает его наполнение не только регламентированным содержанием, но и «контентом», соответствующим общедискурсивной правовой «картине мира» и «внутренним убеждениям» субъектов (как агентов, так и клиентов). При этом современная «коммуникационная картина мира» крайне скупо подкреплена лингвистическими доминантами, правильнее их было бы назвать константами, относящимися ко всему дискурсу, как таковому. В институциональном аспекте подобная проблематика является малоизученной, тем не менее она актуальна в силу динамики и обусловленности дискурса «метафакторами». Конечно, в ИД, например, в законодательстве об авторском праве, существуют нормы, регламентирующие основные диспозиции проблемной области. Однако в интердисциплинарной парадигме существует и значимый метаязыковой потенциал синтетического качества, особенно в отношении такой современной и инновационной сферы, как КОК.

Индискретность сферы взаимодействия языковых и социокультурных феноменов обуславливает не только дефицит внимания к соответствующей проблематике, но и недостаточную методологическую определенность, прямо обуславливающую актуальность интердисциплинарной специфики дискурса, являющуюся своеобразной исследовательской лакуной, «чёрным ящиком» («*blackbox*») [24].

Возможность широкого доступа к текстам разного рода успешно обеспечивается коммуникационной спецификой современного дискурса. В институциональном аспекте проблема легального использования КОД, как показывает практика, является сложной.

Модель интернет-лицензии

Рамки метаязыкового исследования не предусматривают репрезентацию всех особенностей дискурсивной практики в сфере КОК – вполне целесообразным может быть сравнительное (на примере двух моделей) исследование одного типа дискурсивной практики в виде *использования текстов*. Последовательное ограничение проблемной области рамками так называемой *интернет-лицензии* позволяет выявить существенные особенности функциональности текстов КОК в метаязыковом формате. Контент Интернета, действительно, систематически обеспечивается информацией о правилах его использования. Такие правила, нормы и обычаи создаются в рамках институционально-дискурсивной практики в пределах общественно значимой компетенции авторов, *статуса*.

Рассмотрим типичный пример презентации на метаязыковом уровне модели статусного использования текстов по типу *интернет-лицензии* относительно авторского проекта в агентской интерпретации:

- название: «контекстная индексация и агрегирование: поддержка эффективного масштабируемого поиска словоупотреблений» (англ. *DescriptionTitle: Contextual Indexing and Joining: Supporting Efficient, Scalable Entity Search*);

- автор (-ы): Тао Ченг, Кевин «Си-Си» Чанг (англ. *Author(s): Cheng, Tao; Chang, Kevin C-C*);

- область (-и): компьютерная наука (англ. *Subject(s): computer science*);

- аннотация... (англ. *Abstract...*);

- дата открытия доступа (англ. *Issue Date: 2007-10*): октябрь 2007 г.;
- жанр: технический отчёт (англ. *Genre: Technical Report*);
- тип: текст (англ. *Type: Text*);
- унифицированный идентификатор ресурса (англ. *URI*): <http://hdl.handle.net/2142/11405>;
- дополнительный идентификатор (-ы) (англ. *Other Identifier(s)*): *UIUCDCS-R-2007-2911*;
- правовая информация... (англ. *Rights Information...*);
- дата доступа в сети *IDEALS* (англ. *Date Available in IDEALS*): 22.04.2009 г. [25].

Основное содержание данного текста сконцентрировано в двух структурных частях: *аннотации* и *правовой информации*. В *аннотации* (англ. – *Abstract*) описано основное содержание проекта, иными словами, его интралингвистические особенности: «поскольку Всемирная паутина превратилась в хранилище огромного количества данных со стандартным «просмотром страниц», возрастает несоответствие современных поисковых систем широкому кругу поисковых задач. Поиск единиц, значимая отправная точка при исследовании документа, обеспечивает поиск хорошо структурированной информации, т. е. единиц, инкорпорированных в документы прямо и целостно, в контексте всей коллекции документов. По сути, процедура поиска единиц состоит в поиске сопоставимых элементов в контекстных фрагментах каждого документа и агрегирования их в соответствии с упорядоченностью всех документов. Такое основанное на текстах сравнение образцов подразумевает, что может быть реализована обработка запросов в соответствии с зеркально отображенным стандартным списком. Однако такой подход имеет ограниченную эффективность, что обусловлено длиной списка единиц, и ограниченное масштабирование, что обусловлено кроссдокументным агрегированием. Для повышения эффективности мы предлагаем «контекстуальный индекс», индекс, который реконструирует прежние связи, игнорирует несущественные для индексирования тексты и снижает задействованность онлайн-режима. Для улучшения масштабирования мы предлагаем дробление «пространства вхождения», чтобы соответствующие «субпространства» агрегировались локально. Мы видим рациональность нашего решения как в функциональности, так и в операционной определенности поиска единиц, и подтверждаем их существенную значимость для нашего формата. Мы предполагаем, что индексирование (контекстуальное индексирование) и обработка параллельного поиска (контекстное агрегирование) позволят сформировать реальный веб-корпус размером более 2 Тб по систематизированным критериям поисковых методов. Эксперименты показали, что наш алгоритм может увеличить скорость поискового процесса в среднем в два раза по сравнению с базовыми параметрами» [25].

Правовая информация (англ. *Rights Information*) отражает экстралингвистические особенности модели: «Вы получили разрешение для некоммерческих репродукций, распространения, отображения и демонстрации данного технического отчета в любом формате, но это разрешение действует только в течение 45 дней с того момента, когда вы получили доступ к данному техническому отчету кафедры компьютерных наук Университета Иллинойса в Эрбана-Шампейн согласно условиям, которые описаны в этом разрешении. Все остальные права принадлежат автору (-ам)» [25].

При детальном рассмотрении можно видеть, что приведенный пример экспозиции текста в Интернете снабжен структурированным метаязыковым описанием: название, автор, область, аннотация, дата открытия доступа, жанр, тип, унифицированный идентификатор ресурса, дополнительный идентификатор, правовая информация, дата доступа в сети *IDEALS*. Кроме того, в тексте присутствует маркированная информация, например, о двух временных периодах действия данного образца (паттерна) модели: присутствует четкая дифференциация возможностей доступа в первые 45 дней и после истечения 45-дневного срока [25].

Несомненна релевантность вышеприведенного текста институциональным моделям практики, сочетающим, например, *диагностику, директивы и обобщения*: «Сегменты институционального дискурса – это диагнозы, директивы и рапорты...» [14, с. 149]. Данная

характеристика текста позволяет уверенно идентифицировать его в рамках институционально-дискурсивной метаязыковой практики. Однако с помощью методики дискурсивного моделирования рамки репрезентации данной коммуникационной ситуации могут быть существенно расширены и актуализированы в функциональном ракурсе.

Металингвистическая специфика моделирования КОД

Варианты метаязыковой имплементации данной речевой ситуации *использования текстов* в институциональном аспекте могут быть представлены по-разному. Сопоставим возможности двух разных моделей: А) приложений ситуационного анализа [20]; Б) дискурсивной гипермодели (авторская концепция).

А. Дискурсивная модель приложений ситуационного анализа, отражая содержание вышеприведенного текста, будет выглядеть следующим образом:

- структура цели: *использование*;
- репертуар: *тексты*;
- правила: *научное использование*;
- роли: *создание и использование*;
- набор средств и оборудование среды: *компьютер, лингвистический корпус*;
- концепты: *текст, лингвистика, авторское право*;
- последовательность: *создание и использование*.

Б. Согласно дискурсивной гипермодели метаязыковое содержание той же речевой ситуации может быть представлено комплексом *структурных, ситуационных и коммуникационных* характеристик.

Среди структурных характеристик или признаков соответствующей *дискурсивной гипермодели* выделяются: *элементный состав, системность элементов и характер их взаимодействия*:

1) элементами (объектами обсуждения) данного фрагмента дискурса являются, в частности, *индексирование текстов, поисковый процесс, репродукция, распространение, отображение, демонстрация текста* и др.;

2) системность данных дискурсивных отношений обусловлена синкретичной презентацией элементов разнородной идентичности, в частности, *персонального, институционального и научного дискурсов* (дискурса смешанного типа);

3) взаимодействие элементов данного фрагмента дискурса носит интерактивный характер с задействованием различных типов отношений: *иерархичности* (между институциональным и научным, персональным дискурсами и *сосуществования* (между дискурсами научным и персональным).

Ситуационная конституция рассматриваемой дискурсивной гипермодели характеризуется следующими оппозиционными отношениями:

1) текстуально-контекстуальными:

а) текстуальная метаструктура данного фрагмента дискурса представлена *гипертекстом*;

б) его контекстуальная метаструктура соотносится с объективно существующими или воображаемыми (субъективными) обстоятельствами коммуникации, в частности, *нормами авторского права*;

2) интралингвистически-экстралингвистическими:

а) интралингвистическое метаописание данного фрагмента дискурса привязано к языковым универсалиям, в частности, *тексту, жанру, языковой единице*;

б) его экстралингвистическое метаописание соотносится с внешними факторами коммуникации, такими как *юриспруденция*;

3) тактически-стратегическими:

а) тактическое (ситуационное) метаописание данного фрагмента дискурса раскрывает путь реализации непосредственных коммуникационных целей, в частности, ситуацию презентации не полных текстов, а *конкордансов* («списков контекстов»);

б) его стратегическое метаописание соотносится с перспективным планированием коммуникации, в частности, с ее *социальной* и *прагматической* составляющими.

Коммуникационные характеристики данной *дискурсивной гипермодели* могут быть представлены следующим образом:

- 1) языковые особенности: *поликодовость, вербальность, фрагментарность*;
- 2) речевые особенности: *аутентичность, гиперадресация, деперсонализованность, гиперперсональность, этикетность*;
- 3) технологические особенности: *компьютерная опосредованность, сетевой формат, цифровой формат, виртуальность*.

Конечно, варианты подобной репрезентации носят несколько схематичный характер и могут корректироваться в процессе применения. Анализ текста в рамках модели «приложений ситуационного анализа» может быть полезным для социолингвистических и когнитивных исследований. Вместе с тем модель «приложений ситуационного анализа» является одномерной и фрагментарной (например, некоторые ее составляющие – *элементы, концепты* и *последовательность* – создают впечатление факультативности). Анализ текстов в рамках «дискурсивной гипермодели» учитывает более широкий спектр прикладной специфики и, возможно, менее противоречив.

Принципиального противоречия между способами представления и моделями дискурсивной практики не существует: «Разные типы институциональных репрезентативностей могут основываться на разных дискурсивных моделях» [14, с. 165]. Однако, несомненно, что ключом к пониманию и репрезентации КОК является метаязыковое структурирование текстов: «... не деятельность *per se*, создающая основу для институционализации, но, скорее, описание текстов, организующих эту деятельность» [15, с. 635]. Подобная исследовательская стратегия может быть целесообразно и продуктивно реализована в метаязыковом моделировании дискурса, в том числе КОД.

Таким образом, первичным материалом для создания метаязыковых описаний дискурсивно-институциональной практики КОД является текстовое наполнение той или иной коммуникационной ситуации. В то же время специфичность сферы КОК обуславливает значимое в языковом контексте своеобразие дискурса и требует сопровождения коммуникации дополнительными «фреймами» регламентирующего характера (интерпретированными в контексте *кодификации* – институционального описания). Возможно, наиболее контрастно функциональное своеобразие КОД проявляется в ситуациях, требующих высокой смысловой определенности как самой речевой деятельности, так и сопряженного с ней комплекса экстралингвистических предпосылок и последствий.

Проблематика создания практико-ориентированных моделей содержания КОД обусловлена потребностями глубокой формализации языковой системы. Одним из важнейших аспектов в данной связи является институциональность речевой практики: ИД, в частности, предъявляя более жесткие требования к регламентации текстов, содержит и более структурированный контент. Это, в свою очередь, способствует тесной корреляции метаязыковой практики с функциональной природой дискурса, особенностями его создания, модификации и использования. Лингвистическая парадигма обладает необходимым инструментарием для репрезентации соответствующего содержания: в данной связи актуальным потенциалом обладает методика дискурсивного моделирования. Такой подход позволяет решать задачи создания верифицированных обобщений КОД.

Заключение

Функциональность КОД обусловлена целым рядом факторов, среди которых можно отметить интертекстуальность, вариативность, интерактивность, структурированность и другие специфические черты данного дискурса, что осложняется дистанционностью, опосредованностью, мультимодальностью, мультимедийностью и другими специфическими чертами самой КОК. Подобная многомерность материала и среды создает предпосылки для соответствующей инфраструктуры моделей, подразумевая их сложный дискурсивный

характер. Примером адекватной структурной организации можно считать архитектуру *дискурсивной гипермодели*.

Проведенное исследование позволило апробировать и верифицировать методику метаязыковых обобщений дискурсивного качества с привязкой к системе лингвистических координат. В *институциональном аспекте* КОД может быть объективно представлен посредством моделей вплоть до *дискурсивной гипермодели*, обладающей потенциалом комплексной репрезентации речевой практики. Подобное моделирование актуально для практического совершенствования сферы коммуникации, позволяя, в свою очередь, идентифицировать, структурировать и развивать лингвистический инструментарий. Проведенное исследование показало целесообразность использования в практике метаописаний специфических фильтров, формирующих оптимальную парадигматику. Примером подобного фильтра в контексте КОД может служить институциональная идентичность дискурсивной практики.

Л и т е р а т у р а

1. Foucault M. The archeology of knowledge. – London: Tavistock Publications, 1972. – 218 p.
2. Mayr A., Machin D., Bastow T., Abousnougа G., Language and power: An introduction to institutional discourse [ed. by Andrea Mayr]. – London; New York: Continuum, 2008. – 204 p.
3. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. – NY: Anchor Books, 1966. – 219 p.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилгрим», 2010. – 486 с.
6. Баркович А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 288 с.
7. Bazerman C. Genre as social action // The Routledge Handbook of Discourse Analysis [ed. by James Paul Gee, Michael Handford]. – London: Routledge, 2012. – P. 226-238.
8. Баркович А. А. Тенденции развития компьютерно-опосредованного дискурса: металингвистический аспект // Вестник Тверского государственного университета. Филология. – № 4, 2015. – Тверь: ТвГУ, 2015. – С. 108-114.
9. Bhatia V. Professional written genres // The Routledge Handbook of Discourse Analysis [ed. by James Paul Gee, Michael Handford]. – London: Routledge, 2012. – P. 239-251.
10. O’Keeffe A. Media and discourse analysis // The Routledge Handbook of Discourse Analysis [ed. by James Paul Gee, Michael Handford]. – London: Routledge, 2012. – P. 441-454.
11. Dijk van T. A. Discourse and knowledge // The Routledge Handbook of Discourse Analysis [ed. by James Paul Gee, Michael Handford]. – London: Routledge, 2012. – P. 587-603.
12. Clayman S. E., Gill V. T. Conversation analysis // The Routledge Handbook of Discourse Analysis [ed. by James Paul, Michael Handford]. – London: Routledge, 2012. – P. 120-134.
13. Stubbs M. Searle and Sinclair on communicative acts: A sketch of a research problem // The Functional Perspective on Language and Discourse: Applications and implications [ed. by María de los Ángeles Gómez González, Francisco José Ruiz de Mendoza Ibáñez, Francisco González García, Angela Downing], 2014. – John Benjamins B. V. – P. 243-260.
14. Agar M. Institutional discourse // Text, 1985. – Vol. 5, No. 3. – P. 147-168.
15. Phillips N., Lawrence T. B., Hardy C. Discourse and Institutions // The Academy of Management Review, 2004. – Vol. 29, No. 4. – P. 635-652.
16. He A. W. Withholding academic advice: Institutional context and discourse practice // Discourse Processes, 1994. – Vol. 18, No. 3. – P. 297-316.
17. Баркович А. А. Лингвоинформационная специфика компьютерно-опосредованной коммуникации: структурный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2, Языкознание. – Волгоград: ФГАОУ ВПО «Волгоградский государственный университет», 2015. – № 2 (26). – С. 114-120.

18. Ortiz A. M., Hernandez C. P. Form and function in evaluative language: The use of corpora to identify contextual valence shifters in a linguistically-motivated sentiment analysis system // *The Functional Perspective on Language and Discourse: Applications and implications* [ed. by María de los Ángeles Gómez González, Francisco José Ruiz de Mendoza Ibáñez, Francisco González García, Angela Downing], 2014. – John Benjamins B. V. – P. 87-110.
19. Дейк ван Т. Эпизодические модели в обработке дискурса // *Язык. Познание. Коммуникация. Сборник работ.* – М.: Прогресс, 1989. – С. 68-110.
20. Argyle M., Furnham A., Graham J. A. *Social situations.* – New York: Cambridge University Press, 1981. – 453 p.
21. Pervin L. A. A Free-Response Description Approach to the Analysis of Person-Situation Interaction // *The Psychology of Social Situations: selected readings* [ed. by Adrian Furnham, Michael Argyle]. – Oxford: Pergamon Press, 1981. – P. 40-55.
22. Fant L. Managing intersubjectivity and establishing consensus in two activity types: business negotiations and student workgroups // *Spanish at work: Analysing institutional discourse across the spanish-speaking world* [ed. by Nuria Lorenzo-Dus]. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 172-191.
23. Rose D. Genre in the Sydney school // *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* [ed. by James Paul Gee, Michael Handford]. – London: Routledge, 2012. – P. 209-225.
24. Zucker, L. G. The role of institutionalization in cultural persistence // *The new institutionalism in organizational analysis* [ed. by Walter W. Powell, Paul J. DiMaggio]. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – P. 83-107.
25. IDEALS @ Illinois: Contextual Indexing and Joining: Supporting Efficient, Scalable Entity Search [Electronic resource]. URL: <https://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/11405> (date of access: 29.08.2014).

References

1. Foucault M. *The archeology of knowledge.* – London: Tavistock Publications, 1972. – 218 p.
2. Mayr A., Machin D., Bastow T., Abousnougou G., *Language and power: An introduction to institutional discourse* [ed. by Andrea Mayr]. – London; New York: Continuum, 2008. – 204 p.
3. Berger P., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge.* – NY: Anchor Books, 1966. – 219 p.
4. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov.* – М.: Sovetskaia entsiklopediia, 1966. – 607 s.
5. Zhrebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov. Izd. 5-e, ispr. i dop.* – Nazran': OOO «Piligrim», 2010. – 486 s.
6. Barkovich A. A. *Internet-diskurs: komp'uterno-oposredovannaia kommunikatsiia.* – М.: Flinta: Nauka, 2015. – 288 s.
7. Bazerman C. Genre as social action // *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* [ed. by James Paul Gee, Michael Handford]. – London: Routledge, 2012. – P. 226-238.
8. Barkovich A. A. Tendentsii razvitiia komp'uterno-oposredovannogo diskursa: metalingvisticheskii aspekt // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya.* – № 4, 2015. – Tver': TvGU, 2015. – S. 108-114.
9. Bhatia V. Professional written genres // *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* [ed. by James Paul Gee, Michael Handford]. – London: Routledge, 2012. – P. 239-251.
10. O'Keeffe A. Media and discourse analysis // *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* [ed. by James Paul Gee, Michael Handford]. – London: Routledge, 2012. – P. 441-454.
11. Dijk van T. A. Discourse and knowledge // *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* [ed. by James Paul Gee, Michael Handford]. – London: Routledge, 2012. – P. 587-603.
12. Clayman S. E., Gill V. T. Conversation analysis // *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* [ed. by James Paul, Michael Handford]. – London: Routledge, 2012. – P. 120-134.
13. Stubbs M. Searle and Sinclair on communicative acts: A sketch of a research problem // *The Functional Perspective on Language and Discourse: Applications and implications* [ed. by María de los Ángeles Gómez González, Francisco José Ruiz de Mendoza Ibáñez, Francisco González García, Angela Downing], 2014. – John Benjamins B. V. – P. 243-260.

14. Agar M. Institutional discourse // *Text*, 1985. – Vol. 5, No. 3. – P. 147-168.
15. Phillips N., Lawrence T. B., Hardy C. Discourse and Institutions // *The Academy of Management Review*, 2004. – Vol. 29, No. 4. – P. 635-652.
16. He A. W. Withholding academic advice: Institutional context and discourse practice // *Discourse Processes*, 1994. – Vol. 18, No. 3. – R. 297-316.
17. Barkovich A. A. Lingvoinformatsionnaia spetsifika komp'iuterno-oposredovanoi kommunikatsii: strukturnyi aspekt // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – Seriya 2, Iazykoznanie. – Volgograd: FGAOU VPO «Volgogradskii gosudarstvennyi universitet», 2015. – № 2 (26). – S. 114-120.*
18. Ortiz A. M., Hernandez C. P. Form and function in evaluative language: The use of corpora to identify contextual valence shifters in a linguistically-motivated sentiment analysis system // *The Functional Perspective on Language and Discourse: Applications and implications* [ed. by María de los Ángeles Gómez González, Francisco José Ruiz de Mendoza Ibáñez, Francisco González García, Angela Downing], 2014. – John Benjamins B. V. – R. 87-110.
19. Deik van T. Epizodicheskie modeli v obrabotke diskursa // *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia. Sbornik robot. – M.: Progress, 1989. – S. 68-110.*
20. Argyle M., Furnham A., Graham J. A. Social situations. – New York: Cambridge University Press, 1981. – 453 p.
21. Pervin L. A. A Free-Response Description Approach to the Analysis of Person-Situation Interaction // *The Psychology of Social Situations: selected readings* [ed. by Adrian Furnham, Michael Argyle]. – Oxford: Pergamon Press, 1981. – P. 40-55.
22. Fant L. Managing intersubjectivity and establishing consensus in two activity types: business negotiations and student workgroups // *Spanish at work: Analysing institutional discourse across the spanish-speaking world* [ed. by Nuria Lorenzo-Dus]. – New York: Palgrave Macmillan, 2011. – R. 172-191.
23. Rose D. Genre in the Sydney school // *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* [ed. by James Paul Gee, Michael Handford]. – London: Routledge, 2012. – P. 209-225.
24. Zucker, L. G. The role of institutionalization in cultural persistence // *The new institutionalism in organizational analysis* [ed. by Walter W. Powell, Paul J. DiMaggio]. – Chicago: University of Chicago Press, 1991. – R. 83-107.
25. IDEALS @ Illinois: Contextual Indexing and Joining: Supporting Efficient, Scalable Entity Search [Electronic resource]. URL: <https://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/11405> (date of access: 29.08.2014).

